О судьбе

Аратинд

SHOUT
SHARE
IT

- Аратинд
  - ○

Аратинд
О судьбе

Он был рожден для того, чтобы его били. Кожаный, упругий, он не знал, не хотел и не мог почувствовать другой жизни, без ударов. Она, эта нынешняя жизнь, была всем — молитвой, счастьем, благословением, судьбой. Больше всего — судьбой. Он ощущал ее прикосновения всем своим естеством. Он ждал их, катился навстречу им, крутился на месте от нетерпения или, если это не помогало, замирал, как будто успокоившись и даже солидно покачиваясь, на самом деле весь распираемый изнутри нетерпеливым ожиданием, что вот сейчас, непременно, вот-вот, немедленно, сию секунду… И судьба приходила. Он всегда угадывал ее приближение по исходящей откуда-то извне (или изнутри? он не умел отличать) ритмичной вибрации, сотрясениям, сначала далеким и словно бы нерешительным, потом все более настойчивым, определенным в своей направленности — к нему — и он, уверяясь, что главное близко, напрягался для грядущей битвы, отпора, ждал среди все учащающейся тряски… Удар! Он прогибался от толчка, в самом нем черпая силы для сопротивления, зная, что чем сильнее удар, тем больше энергии набирает он сам. Выжидая момента, когда еще немного, еще чуть-чуть, и его разорвет изнутри рвущееся буйство жизненной силы, он именно в этот точно определенный законами его естества миг отдавал всю, без остатка, силу, столь щедро данную ему судьбой, отдавал ей и летел.

Он летел, и холодные потоки воздуха бережно охватывали его в своих бесконечных, неописуемо мягких ладонях, гладили, крутили, поддерживали его. Воздух не хотел его отпускать, даже давал иногда слабые пинки, пытаясь дать ему то, что могла дать только судьба — силу, но толчки эти были слишком слабые, их было мало ему, стремящемуся к своей судьбе там, внизу. Часто она была благосклонна к нему и встречала мощным ударом, не давая коснуться жесткой и нередко мокрой поверхности, падать на которую было всегда очень неприятно. Столкновение с землей тоже порождало сильный удар, после него тоже бывал полет, однако чего-то в нем не хватало, какой-то целенаправленности, ярости, смеха не было в земле, и он очень быстро выдыхался и начинал снова лихорадочно искать судьбу, катиться ей навстречу. Иногда он мечтал о том, чтобы вовсе не касаться низменной поверхности и вечно странствовать под ударами судьбы… Когда-то, давно (он не любил об этом вспоминать), ему удалось летать

от удара к удару так долго, что он почти совсем поверил в то, что его мечта о вечном полете сбылась. Увы, не успел он подумать об этом, как влетел с размаху в холодную, топкую и на редкость глубокую лужу, в которую он ушел чуть ли не наполовину.

Нередко судьба катила его по земле, направляя к одной ей известной цели. Он принимал ее и такой, зная уже, что перед самой, неведомой ему, целью она соберется с силами и даст ему столько, сколько он сможет принять в себя. Он катился на шаг впереди своей судьбы, позволяя себе только небольшие рывки и подпрыгивания, в ожидании ТОЛЧКА, потому что тут уже было не узнать и нельзя было ни предугадывать, ни предчувствовать, необходимо было просто ждать. Нельзя было даже надеяться, потому что редко, правда, но все же случалось, что ТОЛЧКА — не было…

Еще хуже этого безнадежного ожидания, хуже всего на свете, были периоды безвременья. Для него это было поистине безвременье, ибо естественно и легко было измерять жизнь количеством ударов и мучительно, томительно, невыразимо тяжко было просто лежать на сухой, ровной, деревянной, невыносимо спокойной поверхности и ощущать, как постепенно из тебя уходят силы, нетерпение сменяется флегматичной расслабленностью, а ты сам оседаешь и расползаешься по равнодушной плоскости, побежденный отчаянием и давящей скукой. Он никогда не мог почувствовать, вспомнить, ощутить, сколько же тянулся этот кошмар, из которого он всегда выходил одним и тем же образом: что-то в нем раскрывалось, и в это раскрывшееся вдруг, неведомое ему самому отверстие, неудержимо рвалась радость! Клокочущая, холодящая, бодрящая, подрагивающая радость возвращения к жизни врывалась в него, не оставляя ничего от невыносимой расслабленности, и он вновь становился тугим и упругим, полностью готовым к игре с судьбой!

…Он не думал обо всем этом, как не думают о повседневных, будничных или неприятных до болезненности вещах. Он лежал на сухой, прогретой жарким летним солнцем, немного щекочущей травой земле и ждал, замерев, удара. Он соскучился по хорошему, с оттяжечкой… не удару уже, а посылу, и ни о чем другом думать уже не мог. Он почувствовал еле ощутимое дрожание. Сначала он решил, что ему показалось, но земля дрогнула опять, на этот раз более явственно. Он затрепетал в преддверии блаженства. Никогда еще судьба, сколько он себя помнил, не начинала свой разбег так нежно, так незаметно. От восторга он завибрировал так сильно, что начал покачиваться. Усилием воли он овладел собой, испугавшись на мгновение, что не сумеет справиться с

подарком судьбы. Додумать он уже ничего не успел судьба ударила. Удар получился роскошный — уверенный, продолжительный и с оттяжкой — тот самый, о котором он так безнадежно мечтал. Казалось, что он будет длиться вечно, но тут собственные рефлексы пересилили его желание, и он взлетел. Первый раз в жизни он получил такой сильнейший закрут. Воздух утратил всякую возможность влиять на него. Он отталкивал воздух, отбрасывая его, двигался в нем по собственной воле. Впервые он ощутил не только полет, но и — свободу. Да, судьба сделала ему поистине царский подарок!

Скоро он почувствовал, что силы, как обычно, начинают иссякать, и привычно устремился вниз, навстречу новому удару. Судьба явно благоволила к нему сейчас, отбив так мощно, что его обожгло болью, но природная крепость все-таки спасла его. Когда он, еще в полете, немного пришел в себя, у него немедленно возникло острое ощущение ненадлежащего хода событий. После удара он полетел куда-то не туда. То, что раньше окружало поле его жизни, сопереживало его взлетам и падениям, пронизывая воздух вибрациями восторга и уныния, восхищения и разочарования, чье присутствие он постоянно чувствовал краешком сознания, но находилось при этом ощутимо далеко, это все неслось теперь прямо на него или, вернее, он несся прямо в эту пышущую жаром эмоций массу. Смутно чувствуя, что если он попадет туда, то возврата назад уже не будет, он судорожно попытался отвернуть в сторону. Поздно. У него осталось слишком мало сил для маневрирования. Он налетел на что-то твердое, потное, гладкое, которое тут же отбросило его в сторону. Это живо напомнило ему судьбу, она тоже часто встречала его подобным образом, но сейчас в этом потном и костляво-твердом не ощущалось готовности к веселому и яростному отпору, всегда чувствовавшейся в судьбе. Наоборот, оно не было готово к столкновению, пыталось избегнуть его, а затем брезгливо отбросило, как будто боялось соприкасаться с ним. Он беспорядочно искал хоть что-нибудь знакомое, но натыкался на твердое, потное, горячее, костлявое, отбрасывающее его, отстраняющееся, отбивающееся от него, отталкивающее в сторону своими неумелыми, вялыми, судорожными, костлявыми прикосновениями… Он уже устал, но все-таки сделал последнюю попытку. И тут его поймало.

Он не поверил себе. Проверил свои ощущения. Да. Кажется, он добрался до цели. Судьба держала его прочно, уверенно и сильно. Правда, в следующее мгновение он засомневался, потому что происходящее не казалось уже бывшим. Сначала его прижало к чему-то обширному, мягкому, потному и горячему. Затем

накрыло какой-то тряпкой, насквозь мокрой. Он попробовал вырваться, но мягкое и потное дернулось и не пустило. Он застыл.

Когда обширное и мягкое вдруг задвигалось, его ритмичные движения вверх и вниз напомнили ему ощущения, которые, как он помнил, обычно предшествовали безвременью, и он немного успокоился. Безвременье, однако, все не наступало, и ему стало по-настоящему тревожно. Конечно, он не знал ничего хуже безвременья, но оно хоть было знакомо ему. Сейчас же происходило нечто непонятное, неизвестное и опасное, может быть. От неопределенности положения и ужаса перед непонятным будущим он стал покрываться холодным липким потом. А может, пот стал переходить на него с этого мокрого, липкого и горячего. Ему было все равно. Он мог только надеяться… на что? он не знал и сам. Но продолжал надеяться. Он ждал чего-то даже тогда, когда началась изматывающая душу, проникающая до самых потаенных уголков тряска, совершенно не похожая ни на что испытанное им в жизни, ритмично дергающаяся, плетущаяся куда-то с припадочным рысканьем, так что его бросало в жар и бил озноб от металлических мурашек и непрерывного дрожания мертвого механизма. При этом на него со всех сторон давило горячее, мягкое, наваливалось, качалось в едином движении с капризами трясущегося, вибрирующего, механического… Он еще надеялся. Надежда овладела им с новой силой, когда вдруг прекратилась мучительная тряска и возобновились повторяющиеся движения вверх-вниз, вверх-вниз. Все-таки безвременье?!

Внезапно на него обрушилась тугая струя. От неожиданности он было дернулся, но его схватило прочно. Прикосновение снова напомнило ему судьбу. Та иногда так держала, покачивая слегка перед тем, как внезапным ударом отправить в полет. Она, правда, никогда не крутила его так безжалостно и бесцеремонно под холодной тугой струей, но эта мимолетная похожесть взбаламутила его, и он продолжал надеяться.

…Ощутив наконец под собой привычную деревянную плоскость, он облегченно вздохнул и позволил себе расслабиться. Так и есть, все эти кошмарные странности были только необычайным предвестием безвременья!.. Ну что ж, подумал он. Надо дождаться игры…

Он не знал, что попал к коллекционеру.

Он не знал, что никогда больше не будет летать.

07.06-1995-16:48. 17.02-2003.